

Посвящается Роману Бунка,
который отправился путешествовать

ЕСТЬ ТРИ РАЗНОВИДНОСТИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.

Одни стремятся куда-нибудь уехать. Другие стремятся куда-нибудь приехать. А есть люди, которые путешествуют, чтобы быть в пути — никогда не останавливаться. Не оглядываться назад. Ехать все дальше и дальше. Такими были мои родители. В молодости.

В наше время, когда заранее знаешь, как выглядят чужие края, едва ли сохранились путешественники, остались одни туристы. Разница в том, что туристы ездят, чтобы увидеть другие страны, но из-за туристов своеобразие страны постепенно исчезает. Путешественники же отправляются в неизвестность, чтобы самим стать другими людьми. Я часто думаю, как бы сложилась жизнь родителей, будь они туристами. Ведь могли они просто сделать несколько фотографий и вернуться домой? Зачем им понадобилось взламывать двери рая и вкушать плоды с древа познания? Привезли бы экзотические сувениры, рассказы о забавных случаях — зачем ввязываться в историю. Их жизнь протекала бы легче. Но не будь этой истории, я никогда не появилась бы на свет.

Путешествие, о котором я вам расскажу, случилось в марте 2019 года. Мы отправились в священный город в предгорье Гималаев. Спустя пятьдесят один год после того, как свое

путешествие совершили «Битлз», чтобы обрести *peace of mind*¹. Группа вскоре распалась. Но сначала битлы выпустили один из лучших своих альбомов. Песни они написали в Индии, на берегу Ганга, в тени заколдованного рая. И всякий раз, слушая «Белый альбом», я думаю о родителях, о том, какими они были тогда. В течение нескольких незабываемых недель. Забегая вперед, скажу, что *peace of mind* они не обрели. Скорее, что-то потеряли. И мне пришлось отправиться туда, чтобы вернуть потерянное.

- 1 Душевный покой (англ.). Также *Peace of Mind* — одна из легендарных неизданных песен *The Beatles* (1967). Существует только плохая демозапись, сделанная предположительно Джоном Ленноном и Джорджем Харрисоном и вышедшая только на бутлегах.

1

Мы слишком быстро забываем то,
что, как нам казалось,
не забудем никогда.
Мы одинаково забываем любовь
и предательство, забываем,
что мы шептали и о чем кричали,
забываем, кем мы были.

Джоан Дидион

— ОНА ПРОПАЛА.

- Кто?
- Мама.
- Как пропала?
- Нигде нет. Испарилась. Исчезла.

Когда Лоу ворвался ко мне в студию, мы как раз выполняли стойку на плечах. Промокший, как бродячий пес, и бледный, словно прокутил всю ночь. Лоу — мой отец. Двадцать пар глаз уставились на него.

— Простите, — пробормотал он, обращаясь к присутствующим, и смущенно провел рукой по длинным седым волосам. С кожаной куртки на паркет капала вода.

Лоу частенько заходил ко мне, готовил себе чай латте и рассказывал всем, что он мой отец. Сияя при этом от гордости. Будто такое уж большое достижение быть преподавателем йоги. В Берлине, где, судя по всему, желающих преподавать

йогу больше, чем желающих ей учиться. Но сегодня все было по-другому. Лоу был сам не свой.

— Подожди в коридоре, ладно?

— Люси...

— Двадцать минут.

Мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось бы, атмосфера сосредоточенности в зале нарушилась. В следующий миг я пожалела, что не сдержалась. Я люблю папу. Но когда я работаю, я отвечаю за все, что происходит в зале. Он понял и, ссутулившись, исчез за стеклянной дверью.

— Колени прижимаем ко лбу... Руки вытянуты... Ладони прижаты к полу... Постепенно перекатываемся, выпрямляем позвоночник... Выдох.

Я старалась не отвлекаться, но то и дело посматривала на Лоу. Он говорил по мобильнику и беспокойно метался в коридоре. Я тоже занервничала. Собраться с мыслями уже не получалось. Когда я в последний раз видела маму?

— В позу посоха! *Чатуранга Дандасана*. Запястья на уровне плеч, пятки оттянуты, не расслабляемся...

За окнами уже стемнело, на телевизшке светились огоньки. Я закончила занятие раньше обычного. Пока все складывали коврики и подушки, Лоу вернулся в зал.

— У тебя ведь есть ключ от ее квартиры, — тихо сказал он.

— Да что случилось?

— Она не подходит к телефону, не отвечает на сообщения, молчит, и все тут.

— Может, она просто не хочет, чтобы ее беспокоили.

— Ты когда с ней последний раз говорила?

— Недели две-три назад.

— Люси, все в порядке? — спросил кто-то.

Мы загораживали проход. Я отвела Лоу в сторону.

— Да-да, все нормально. Увидимся на следующей неделе!

— Я сейчас поеду в Потсдам, — сказал Лоу. — Вдруг она лежит в ванне мертвая.

— В такое время?

- Поедешь со мной?
- У меня еще дела, нужно...
- Тогда дай ключи.

Я задумалась, не выпил ли он. Может ли сесть за руль в таком состоянии. Я редко видела его таким растерянным.

- Подожди, я только быстро переоденусь.

Матери не исчезают. Матери всегда находятся на расстоянии телефонного звонка. Особенно женщины вроде Коринны, которая всю жизнь провела перед камерой. Ее знала вся страна, потому что половина страны сидела у нее на диване. Коринна Фербер заботилась о своей репутации в обществе и ничего не оставляла на волю случая. Конечно, лучшие ее времена остались позади, но с тех пор, как ее ток-шоу закрыли, она вела панельные дискуссии, заседала в комиссиях, поддерживала молодежь и по-прежнему оставалась Коринной Фербер. И каждая статья о ней привычно начиналась с того, что она совсем не стареет.

Лоу и Коринна давно развелись. Но смогли остаться друзьями. Некоторые мужчины уже через несколько недель находят бывшей жене замену. Живут как и жили, только в другой компании. Лоу не из таких. Трон, на который однажды взошла Коринна, остался пустым. У всех, с кем он встречался после нее, не было ни единого шанса. Развестись решила она, но Лоу никогда не жаловался, не предпринимал бесплодных попыток вернуть ее, не унижался. Он смирился с неизбежным, любил ее издали, только иначе, чем прежде. Однажды я спросила, как ему это удастся. Он пожал плечами и ответил: «Нам было хорошо вместе. Это были лучшие годы моей жизни». Ничего лучше уже не было — во всяком случае, для него. У Коринны после развода еще были мужчины, умные, знаменитые, интересные... и одно-два крупных разочарования. Но никого она уже не подпускала так близко, как моего отца. Все мужчины испарились, а дружба

с Лоу осталась. Возможно, благодаря мне — ни у него, ни у нее других детей не было. Наше созвездие из трех звезд сложилось раз и навсегда. И существовал негласный закон: даже если кто-то из нас двигался по своей орбите, мы не должны были слишком удаляться друг от друга. Если бы одна из трех звезд исчезла, две другие не удержались бы рядом.

Я ждала, стоя у открытой двери, пока он искал ключи от машины. Сырой мартовский воздух охлаждал кожу, на заднем дворе дома у Ландверского канала стояла тишина. Я любила сосредоточенную тишину отцовского магазинчика. Лоу жил здесь с друзьями-гитарами. «Гибсон», «Мартин», «Фендер» — десятки акустических и электрогитар висели на стенах. Сломанные усилители, которые никогда не ремонтировались, музыкальные журналы, полки с пластинками до потолка. Здесь он не чувствовал себя одиноким. Стены украшали постеры его многочисленного семейства: VAR, Линденберг, *Jethro Tull*¹. Все концерты, на которых он побывал, запечатленные в плакатах, полароидных снимках, билетах. Музей умолкнувших звуков. Он знал историю каждого инструмента, был лично знаком с предыдущими владельцами. Знал, в какой мастерской можно отреставрировать ту или иную гитару и какую гитару лучше оставить в оригинальном состоянии. Он избегал аукционов и коллекционеров, спекулировавших на перепродажах. К нему приходили артисты. Они знали, что могут здесь найти. И что он никогда не надует. Его клиенты были легендами, даже если не прославились за пределами сцены, — студийные музыканты и «чернорабочие», которые освоили музыкальное ремесло, но не стремились к большим успехам. Вроде него самого. Иногда, когда не

1 VAR — исландская пост-рок-группа. Удо Линденберг (р. 1946) — один из самых известных немецких рок-музыкантов. *Jethro Tull* — британская рок-группа, существующая с 1967 г. — *Здесь и далее прим. ред.*

было клиентов, он сидел на усилителе и часами играл соло «Пока моя гитара тихо плачет»¹, пока не добился такой точности, что стал единственным человеком в мире, способным отличить это исполнение от оригинала.

Я наблюдала, как Лоу сновал среди своего хаоса, как рыба среди коралловых рифов. Он исчез, оставив меня в ночной тишине, пахнувшей деревом, лаком и клеем. Я задумалась, что ждет этот магазин, когда Лоу не станет. Вообразить невозможно. Каждый уголок здесь носил отпечаток его личности. Но он заметно старел, был уже не пожилым, а старым. Вообще-то Лоу из тех мужчин, которые с годами начинают выглядеть лучше. Мужественнее, непринужденнее. В свои семьдесят с лишним он носил кроссовки и футболки. Со всеми был на «ты». И оставался при памяти. По крайней мере, большую часть времени. Но он застревал в прошлом. Привязывался к клиентам, которых становилось все меньше, а они привязывались к нему. В его повседневной жизни ничего не менялось, кроме него самого. В последние годы у него всегда было много свободного времени: когда мы созванивались, он всякий раз, стоило мне начать прощаться, вспоминал то одну, то другую историю, которую непременно хотел рассказать. Я же неслась по жизненной дороге на полной скорости. И была слишком занята, чтобы думать о том, что с нами делают время и незаметные процессы.

Я слышала, как он копается в ящиках, и это шебуршание успокаивало.

— А у тебя все нормально? — крикнул он.

— Да.

Обычно он замечал, когда я вру. Но сегодня, к счастью, у него хватало забот.

¹ *While My Guitar Gently Weeps* — песня Джорджа Харрисона, вошедшая в «Белый альбом» (1968) группы *The Beatles*.

- Как дети?
  - Нормально.
- Наконец он появился, держа в руке связку ключей.
- *Let's hit the road*¹.
  - Ты пил?
  - Нет.
  - Все равно я поведу.
  - Почему это?
  - Давай ключи.

Старый «ягуар» никак не хотел просыпаться. Он кашлял, подвывал и явно мечтал достойно скончаться от коррозии. Он пах магазинчиком Лоу, его курткой, им самим, это был запах лака, старой кожи и рок-н-ролла. Руль, как обычно, справа, не как у всех; я не представляла себе Лоу в нормальной машине. Я осторожно вывела замученного ветерана из гаража и открыла левую дверцу. Лоу на пассажирском сиденье — в прежние времена о таком даже подумать было невозможно. Но что-то менялось между нами, почти незаметно, но мы оба это чувствовали, хоть и не обсуждали ни единым словом. Мы предпочитали вести себя так, словно он сильный, как и раньше. Все тот же папа, который мог вести машину ночь напролет до самого моря, пока я дремала на заднем сиденье, играло радио, а он рассказывал истории.

- Аккуратно, пусть двигатель прогреется. Там восемь литров масла.
- Когда ты наконец купишь новую машину?
- Я не люблю новые машины.

1 Пора в путь (англ.).

Лоу построил свой бизнес на том, что не любил ничего нового. У него были клиенты, готовые заплатить пятьдесят тысяч евро за потрепанную *Les Paul* с облупившимся лаком. «Звучит лучше новой», — говорил Лоу. Когда-то они собирали инструменты вручную, с ним работали не только техники, но и музыканты. Каждый инструмент был личностью. Он мог быть отвратительно сработан, но пятьдесят лет в руках музыканта не проходили даром. Дерево хранило каждое его движение. Без разницы, кто играл на инструменте, что играли, рок или блюз, на сцене или в студии. Лоу называл это «моджо». Моджо не улавливалось никакой измерительной аппаратурой, но Лоу умел его слышать. Однажды он провел со мной тест вслепую, и я поняла, что он прав. Я ощутила подкожный зуд.

Поэтому он тщательно хранил лучшие экземпляры. Каждая гитара, говорил он, ждет своего гитариста. Некоторые ждали уже по двадцать лет. Иными словами, Лоу не был деловым человеком. Он привязывался к инструментам, как к воспоминаниям, которые с возрастом становятся все важнее. Говорят, правда, что со временем воспоминания блекнут, но у Лоу все было наоборот: его воспоминания затмевали события. Настолько, что иногда приходилось задаваться вопросом, не начинают ли со временем его истории жить собственной жизнью.

Этим они с Коринной и отличались друг от друга: он любил вещи, но не умел делать деньги; у нее были деньги, но она не привязывалась к вещам. Когда-то (мне, наверное, было лет двенадцать) он пришел домой и принес мне гриф электрогитары. Без струн и отвратительный на вид.

— Эта вещь, — провозгласил он, — дороже золота.
Словно это был обломок космического корабля.

— Это просто рухлядь, — сказала Коринна.
— Это «Стратокастер», которую Джими Хендрикс поджег и разбил в Монтерее прямо на сцене. А до того занимался с ней сексом.

— С чего ты взял?

— Он бросил обломки в зал. А парень, который мне продал гриф, был на том концерте. В первом ряду. И поймал гриф. Он показывал мне билет. Фестиваль поп-музыки в Монтерее, 1967-й, с ума сойти! Предвестник Вудстока. Эта штука много лет пролежала у него под кроватью.

— Сколько она стоит? — спросила я.

— На эти деньги я могу купить нам дом, — заявил Лоу.

Вскоре в среде коллекционеров выплыли еще шесть грифов гитары Хендрикса. Сколько же это гитар Джими разбил за один вечер? Лоу нарвался на мошенника. Коринна сожгла гриф на балконе, Лоу включил «На сторожевой башне»¹, и мы танцевали под нее. А дом он нам так и не купил.

Автобан пустел. Лоу клевал носом, старый «ягуар» ворчал. Молчание и движение успокаивали. Никто не задавал вопросов о моей жизни, никто не пытался решить мои проблемы. Прежде Лоу все время что-то рассказывал, когда мы были в дороге. Дома он, наоборот, был молчаливым отцом. Он мог часами сидеть на диване и возиться с гитарой, пока играло радио, а Коринна носилась вокруг. Только в путешествиях он начинал рассказывать. И не понять было, правда его истории или выдумки. Но истории были хорошие. Он никогда не рассказывал о себе, обычно о музыкантах, которыми восхищался. Например, как Майкл Джексон однажды привел в студию белую ламу, а Фредди Меркьюри, с которым они как раз записывали аль-

¹ *All Along the Watchtower* (1967) — песня Боба Дилана, которую Джими Хендрикс в 1968-м включил в свою знаменитую пластинку *Electric Ladyland*.

бом, был вне себя от ярости. Он знал много таких историй. Потому что был знаком со студийными гитаристами Фредди. Я выросла с Удо Линденбергом и Патти Смит, словно они были друзьями семьи. Обычно я спала на заднем сиденье «ягуара», Лоу и Коринна по очереди вели машину, и когда я открывала глаза, они оба были рядом, менялся только пейзаж за окном. А потом Коринна неожиданно исчезла, а я выросла и отправилась в собственное путешествие. Остались только Лоу и старый «ягуар».

Мы с «ягуаром» были ровесниками. 1968 год. Когда Лоу рассказал мне об этом, сияя от гордости, что он спас такой достойный металлолом из английского сарая, я пришла в восторг. Но теперь, когда я бросала взгляд на растрескавшуюся кожу, пожелтевшие коврики и поцарапанную деревянную обшивку, я казалась себе старой. Красотка за пятьдесят. Мое тело могло рассказывать истории. Но, в отличие от старых гитар и «ягуаров», не росло в цене. Видя, чем сегодня живут мои дети, я радовалась, что родилась в шестидесятых. Это были потрясающие времена. Может, это всего лишь миф и времена были такие же неопределенные, как и сейчас, но одно тогда было лучше — будущее. Когда я пошла в школу, я спросила родителей, почему у меня не немецкое имя. Не Люцилла или Луиза, например.

— Потому что мы хотели, чтобы тебе был открыт весь мир, — объяснила Коринна. — «Люси» кто угодно сможет произнести.

А Лоу сыграл на гитаре «Люси в небесах с алмазами»¹. Мне сразу понравилась мелодия, еще прежде, чем он рассказал мне, что они назвали меня в честь героини их любимой песни. Когда

¹ *Lucy in the Sky with Diamonds* (1967) — песня *The Beatles* из альбома *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band*.

он перевел мне текст про девушку с солнцем в глазах, я представила себе, что, когда я родилась, они надели мне на голову венки. Из желтых и зеленых целлофановых цветов.

Было начало первого ночи. Начался дождь, фары встречных машин бросали брызги света на ветровое стекло.

